

Лэй Цзин никогда бы не подумала, что назовет кого-то законченным чудовищем — кроме разве что некоторых паршивцев из своей собственной организации «Охотников». До этого дня столь лестное определение она приберегала исключительно для себя.

Она вперила в Ло Ижання яростный взгляд. У этого парня вместо сердца определенно была ледяная пустыня.

Запястья немилосердно ныли. Стоило ей дернуться в попытке освободиться, как Линь Е затянул путы еще туже. Лэй Цзин не без тревоги подумала, что, если просидеть так слишком долго, пальцы потеряют былую гибкость, и в будущем, когда придет пора кого-нибудь прирезать, рука может дрогнуть.

Впрочем, куда сильнее ее сейчас занимал другой вопрос: выберется ли она вообще живой из этого проклятого сценария?

Но это от нее больше не зависело. Оставалось лишь ждать, какое решение примут остальные.

— Ну и за кого мы голосуем? За Чэн Чэня или за Тан Бая? — спросила Линь Сяохай, покосившись на куклу. — Лучше бы нам сговориться и проголосовать единогласно.

Маленькая кукла на секунду замерла. Остальные согласно закивали — идея выступить единым фронтом пришлась всем по душе. Пока они вполголоса прикидывали шансы, Ло Ижань наблюдал за ними с легким изумлением.

Ли Цифэн, до этого пристально изучавший Линь Ло, перевел взгляд ниже и заметил замешательство куклы. Немного подумав, он, кажется, догадался о причинах ее удивления и негромко произнес:

— Чэн Чэнь, Тан Бай и Лэй Цзин, скорее всего, ополчатся против тебя. Если мы раздробим голоса, ты окажешься под ударом. А так мы тебя обезопасим... Хотя, признаться, у них и без того маловато шансов тебя выжить.

— Это я понимаю, — Ло Ижань озадаченно нахмурился. — Но зачем вам это?

Ван Син переглянулась с Линь Сяохай и удивленно пожала плечами:

— Ну как же. Ты ведь нам помог.

Ло Ижань замолчал. На его фарфоровом лице промелькнуло мимолетное, непривычно мягкое выражение.

— Спасибо, — искренне выдохнул он.

Пока группа спешно взвешивала, кого принести в жертву — Чэн Чэня или Тан Бая, Линь Ло держался в стороне от общего обсуждения. Несмотря на статус игрока, на него налагались жесткие системные ограничения. По сути, правила запрещали ему активно вмешиваться в ход раунда, обрекая на роль того, кого геймеры презрительно зовут «балластом».

Откровенно скучая, Линь Ло растянулся на столе и принялся разглядывать куклу. Свою нынешнюю внешность он сотворил сам, кропотливо настраивая черты в игровом редакторе. Изначально он планировал создать образ, пробуждающий в окружающих — а главное, в Ло Ижане — желание позаботиться о нем, уберечь от невзгод.

Однако талантом скульптора он не отличался, пальцы не слушались, и в итоге получилось то, что получилось.

Линь Ло медленно моргнул. В глубине его темных глаз, прикрытых густыми ресницами, затаилась едва уловимая грусть.

— Молодой господин, — негромко позвал он.

Кукла повернула к нему голову, сохранив прежнее бесстрастное выражение лица.

Шепот Линь Ло звучал вкрадчиво. Выбранное лицо действительно придавало ему налет романтической меланхолии — особенно сейчас, когда он лежал, лениво уронив голову на руки:

— Тебе ведь претит их доброта. Зачем тогда благодарить?

Ло Ижань полуприкрыл глаза, лишь слегка приподняв подбородок и одарив собеседника холодным, высокомерным взглядом — точь-в-точь сытый домашний кот, снизошедший до презренного двуногого.

— Не твое собачье дело.

Линь Ло на мгновение лишился дара речи.

«О... Меня снова отчитали».

Глаза парня мгновенно лихорадочно блеснули, в них вспыхнул искренний восторг.

— Молодой господин, — взмолился он, подавшись вперед, — скажи это еще раз, умоляю!

Ему безумно нравилась любая эмоция, любая живая нотка в голосе Ло Ижана.

Кукла лишь презрительно фыркнула, даже не думая потакать его странным наклонностям.

— С чего ты взял, что мне претит их поступок?

На самом деле эта внезапная «взаимовыручка» просто всколыхнула в его памяти воспоминания о прошлом. О временах, которые трудно было назвать счастливыми.

— Жань-жань, — Ся Лан поспешно опустил голову. Он упорно избегал смотреть на Линь Ло, кожей чувствуя исходящую от того неприязнь, и зашептал кукле: — Мы решили голосовать против Чэн Чэня.

«Чэн Чэнь, значит», — мысленно подытожил Ло Ижань. Особых возражений у него не было. Даже если они ошибутся сейчас, в следующем раунде всегда можно будет слить Тан Бая.

Ся Лан попытался угадать его реакцию по застывшему лицу куклы:

— Жань-жань, ты против? Думаешь, не стоит его сливать?

Ло Ижань медленно перевел взгляд на Тан Бая и тонко улыбнулся:

— Все в порядке. Пусть будет Чэн Чэнь. В конце концов, особой разницы нет.

А игра от этого обещала стать только забавнее. Ся Лану оставалось лишь молча кивнуть в знак согласия.

Линь Ло весело сощурился:

— Молодой господин, у тебя ведь тоже весьма извращенное чувство юмора, не находишь?

Кукла удостоила его лишь мимолетным, холодным взглядом и промолчала. Линь Ло в ответ лишь тихонько рассмеялся.

[Время для свободного обсуждения истекло]

[Просим игроков сделать свой выбор и указать на того, кто не является человеком.
Голосование начнется через три секунды]

Раздался механический отсчет, звучащий до ужаса знакомым голосом погибшей Линь На. Все

замерли в ожидании.

Как только прозвучала последняя цифра, определились результаты. Из четырнадцати голосующих лишь двое выбрали целью Ло Ижаня. Все остальные единогласно указали на Чэн Чэня.

Ло Ижань оглядел присутствующих.

Связанная Лэй Цзин, вытягивая шею, изо всех сил мотала головой в сторону Чэн Чэня. По правде говоря, ей безумно хотелось утопить куклу, но сейчас это было бессмысленным разбазариванием голосов. Гораздо разумнее казалось избавиться от настоящей цели и наконец покончить с этим кошмаром.

Единодушие поражало. Ло Ижань внимательно изучал лица за столом. Очевидно, не у всех мотивы были чисты: к примеру, Ли Цифэна явно заставил проголосовать так неугомонный Вэйя.

Поймав на себе взгляд куклы, Вэйя расплылся в довольной ухмылке и победно вскинул свободную руку, пальцами изображая знак «V». Самоуверенности парню было не занимать.

[Голосование завершено. Чэн Чэнь набрал наибольшее количество голосов и выбывает из игры]

[Игроку Чэн Чэню назначается наказание за поражение]

Едва безжизненный голос смолк, как окоченевшее тело Чэн Чэня, до этого неподвижно сидевшее на стуле, мелко задрожало. Лицо мертвеца оставалось пугающе спокойным, но по бледной коже змеями побежали глубокие трещины. Из них толчками хлынула темная кровь.

Раздался тихий, противный хруст лопающейся плоти. На глазах у онемевших игроков тело несчастного начало распадаться на куски, превращаясь в бесформенное месиво.

По комнате поплыл удушливый, приторно-сладкий запах свежей крови. Кто-то за столом не выдержал и шумно закашлялся, сдерживая рвотный позыв. Сидевший по соседству Чжан Мими смертельно побледнел и поспешно отвернулся, зажав рот ладонью.

[Системное уведомление: Личность чужака не была раскрыта в этом раунде. Желаем удачи в следующей попытке]

Присутствующие оцепенели, а мгновение спустя все как один повернули головы в сторону Тан Бая.

— Твою же дивизию... — Вэйя вскочил, округлив глаза от изумления. — Так это Тан Бай?!

Остальные восприняли новость куда спокойнее. Линь Е и Ли Цифэн даже бровью не повели.

— Если выбирать между Чэн Чэнем и Тан Баем, то кандидатура последнего изначально выглядела логичнее, — спокойно заметил Линь Е. — Вспомните первое голосование. Тан Бай без конца поддакивал большинству, а когда его прижали к стене, не придумал ничего лучше, кроме как сослаться на то, что постоянно находился в одной комнате с Чэн Чэнем и Чжан Мими. Весьма хлипкое алиби. К тому же, когда разозленная Лэй Цзин набросилась на него с обвинениями, ее претензии были вполне обоснованны. Тан Бай тогда растерялся, начал юлить и мямлить, что совершенно не вязалось с его первоначальным поведением.

Линь Е одобряюще кивнул кукле.

Ло Ижань задумчиво прищурился и подхватил мысль:

— Именно. Поначалу Тан Бай разыгрывал карту испуганной жертвы, но при этом ухитрился самым первым вслух усомниться в том, что Линь На — реальный человек. Изрядная нестыковка: если тебе безумно страшно, ты вряд ли полезешь на рожон с обвинениями. Фальшивый страх и показная инициатива — классическое противоречие.

Вэйя озадаченно почесал затылок:

— Ладно, а как тогда быть с тем, что Чэн Чэнь насильно утащил Тан Баю вниз?

— Когда во время первого круга Лэй Цзин начала зажимать Тан Баю в угол, именно Чэн Чэнь заступился за него, — напомнил Ло Ижань. — Разумеется, после этого они сблизились. Сама идея того, что для побега из иллюзорного пространства необходимо покончить с собой, шита белыми нитками. Тан Баю достаточно было посеять в душе Чэн Чэня зерно сомнения — просто спросить: «А что, если смерть окажется окончательной?» Этого хватило бы, чтобы тот засомневался. И Чэн Чэнь решил не торопить события. Вполне естественно, что в такой момент он решил держаться поближе к единственному человеку, которому хоть немного доверял — то есть к Тан Баю.

Вэйя притих, вынужденный признать логику этих рассуждений. В сложившейся суматохе Чэн Чэнь действительно представлял собой идеальную мишень для манипуляций. Тан Баю не составило бы труда уговорить его покинуть безопасную комнату.

— Но если вы все понимали, — Вэйя в недоумении развел руками, озвучивая немой вопрос, застывший в глазах остальных, — почему молчали?

Ли Цифэн лишь тяжело вздохнул. Он проголосовал против Чэн Чэня исключительно из-за того, что Вэйя прожужжал ему все уши своей «гениальной» теорией.

Линь Е пожал плечами:

— Мои соображения совпали с планами Ло Ижання. — И он снова кивнул на куклу.

Маленький деревянный человечек лукаво сощурился и посмотрел на притихшего Тан Бая:

— Что поделать, я парень мстительный. Не люблю, когда меня пытаются обвести вокруг пальца. Долг платежом красен.

— Твое великодушие, я погляжу, размером с игольное ушко, — фыркнул Тан Бай. Он медленно снял очки. Стоило этому простому аксессуару исчезнуть, как весь его облик неузнаваемо преобразился.

Куда-то испарилась былая невзрачность и серость. Перед игроками сидел совершенно другой человек — опасный, волевой и хищный.

Тан Бай смерил ледяным взглядом куклу, разрушившую его безупречный сценарий, а затем мельком мазнул глазами по Линь Ло. В этот раз все летело к чертям с самого начала. Фортуна отвернулась от него еще до того, как они вошли в этот данж.

Впрочем, эффектного разоблачения не получилось — уставшие от бесконечных потрясений игроки отреагировали на метаморфозу равнодушными взглядами. Один лишь Вэйя нетерпеливо грохнул кулаком по столу:

— Да плевать! Давайте уже следующий раунд!

Тан Бай, растеряв весь свой пафос, кисло процедил, глядя на Ло Ижання:

— Ты испоганил мне все веселье.

— Не переживай, — подбодрил его Ло Ижань с вежливой, почти издевательской улыбкой. — Сыграй с нами. Тем более право голоса у тебя никто не отнимал.

Ло Ижань руководствовался не только желанием уколоть врага. Впереди их ждало куда более важное голосование — за убийцу Линь На. И реакция Тан Бая могла стать ключом к разгадке.

— Запускайте! Следующий! Раунд! — взмолился Вэйя, страдальчески закатив глаза к потолку. Ему не терпелось поскорее разобраться с делом Линь На, а потом с чистой совестью вздернуть этого умника Тан Бая. Вот тогда начнется настоящее веселье!

Лишенный всякого развлечения Тан Бай лишь угрюмо промолчал.

Минуты через три тело Линь На судорожно дернулось. Ло Ижань среагировал мгновенно, не сводя с нее глаз.

— Выберите... — прохрипела Линь На.

Она сидела на коленях прямо в центре обеденного стола, безвольно закинув голову. Короткие растрепанные волосы свисали на бледное лицо. Ее остекленевший, лишенный жизни взгляд был устремлен в пустоту. Медленно, словно преодолевая сопротивление невидимых нитей, она подняла трясущиеся руки и обхватила рукоять ножа, все еще торчащего из ее собственного горла.

Сидевшая напротив нее Дуань Мяомяо вздрогнула от ужаса и испуганно прижалась к плечу Ся Лана.

— Выберите того, кто оборвал мою жизнь, — монотонно, безжизненно произнесла несчастная.

Она резко рванула руку вперед. Лезвие с влажным хлюпаньем выскользнуло из раны.

Крови почти не было, но от этого зрелища у всех присутствующих кровь застыла в жилах.

— Но разве... разве ты не сама это сделала? — пробормотала Дуань Мяомяо, растерянно моргая. Она робко повернулась к Ся Лану в поисках поддержки, но, увидев, как тот смертельно побледнел, окончательно растерялась: — Сяо Ся, что такое? О чем ты подумал?

Ее тихий, дрожащий шепот отчетливо прозвучал в мертвой тишине гостиной. Сразу несколько человек пристально уставились на притихшего парня.

Ся Лан ошарашенно переводил взгляд с окровавленного трупа Линь На на куклу:

— Жань-жань...

Ло Ижань хранил молчание. Он слишком хорошо понимал, какая страшная догадка осенила его друга.

Ся Лан медленно поднял дрожащую руку, указывая на Линь На:

— Она... она ведь была обречена на смерть с самого начала? С той самой секунды, как мы здесь очутились?

После этих слов в комнате воцарилась удушливая, могильная тишина.

— Да. По крайней мере, условия пятого задания не оставляют сомнений, — ровным, лишенным эмоций голосом ответил Ло Ижань. — Если сценарий был прописан заранее, у нее изначально не существовало ни единого шанса выжить.

Система заранее вывела для нее одну-единственную сюжетную ветку — совершить самоубийство и превратиться в разменную монету для игроков.

— Само собой, правила игры прописываются загодя, — подал голос Тан Бай. На его губах снова заиграла глумливая ухмылка. Растерянность и ужас на лицах присутствующих явно вернули ему былое расположение духа.

Линь Е еще в тот момент, когда Линь На марионеткой дергалась на лезвии ножа, догадывался, что система приговорила ее. Но лишь сейчас, услышав условия голосования и циничное подтверждение Тан Бая, он окончательно убедился: игра хладнокровно лишила девушку любого выхода.

Линь Е подался вперед, гневно буравя Тан Бая взглядом. Его лицо потемнело от ярости:

— Если все было решено, зачем тогда вешать лапшу на уши про «штрафной раунд»?! Зачем давать пустую надежду?! Лучше бы она погибла еще в прошлом испытании!

Он знал ответ. Позволить человеку поверить в спасение, а затем безжалостно швырнуть его в бездну отчаяния — это самая изощренная пытка из всех возможных.

Теперь все сходилось. Линь На, скорее всего, узнала о своей участи в первую же секунду возвращения. Обреченная на казнь собственными руками, лишенная контроля над телом — неудивительно, что в ее глазах застыла такая невыносимая, мертвая тоска.

— Да потому что это весело, — Тан Бай вальяжно закинул ногу на край стола и оперся локтем о подлокотник кресла. Его улыбка сочилась чистым ядом. — К тому же, ей подарили еще несколько дней жизни. Разве она не должна быть по гроб жизни благодарна за такую щедрость? Ох уж эти люди... Вечно вам всего мало, никогда не умеете ценить то, что дают.